

Где Бьётся Сердце Нави

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова
Где Бьется Сердце Нави

«Автор»

2026

Садыкова В. С.

Где Бьется Сердце Нави / В. С. Садыкова — «Автор», 2026

Монументальный роман-миф в шести частях с экскурсами в закрытые монастырские архивы XVII века, полевые тетради этнографов и подлинную, непарадную изнанку северного славянского фольклора.

© Садыкова В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Где Бьется Сердце Нави

Глава

Глава 1: Книги и кости

Реставраторы старинных книг знают, что смерть бывает сухой. Она пахнет не гнилью, не сырой разрытой землей и не формалином. Она пахнет столетней целлюлозой, высохшим осетровым клеем, рассыпающейся от времени телячьей кожей и костяной мукой, в которую со временем превращаются нити переплета. Сухая смерть покойна и послушна. Ее можно разложить на дубовом столе под бестеневой лампой, зажать стальными реставрационными зажимами, расправить скальпелем и аккуратно, сантиметр за сантиметром, вернуть к подобию жизни при помощи японской микалентной бумаги и дистиллированной воды. Илья Воронов любил сухую смерть. Она была понятной. В свои тридцать два года он считался одним из лучших специалистов отдела редких рукописей Академической библиотеки. В его руках рассыпающиеся, обугленные монастырские свитки и полусгнившие четьи-минеи обретали вторую плоть. Он привык иметь дело с прошлым, которое не могло кричать, истекать кровью или требовать ответов. Все изменилось в тихий дождливый четверг, когда в реставрационную мастерскую пришел юрист. Конверт, который он положил на стол Илье, пах не библиотечной пылью. От него веяло чем-то тяжелым, застойным, как от одежды человека, долго просидевшего на заброшенном речном вокзале. Внутри было официальное извещение из нотариальной конторы Вологодской области и короткая, написанная от руки записка от председателя сельсовета деревни с чудным и глухим названием Глухомань. > *«Илья Михайлович, извещаем вас, что ваш отец, Воронов Михаил Ильич, девятнадцатого апреля сего года вышел из своего дома в деревне Глухомань и обратно не воротился. Поиски силами местной милиции и егерей результатов не дали. Дом заперт не был. Документы и полевые карточки остались на столе. Согласно закону, вам необходимо прибыть для описи имущества и принятия решения о консервации жилого строения».* Илья смотрел на неровные строчки, и внутри него, где-то под ребрами, заныл старый, давно забытый узел. Михаил Воронов. Доктор этнографических наук, профессор, завкафедрой фольклористики, человек, который когда-то мог по памяти цитировать «Голубиную книгу» и знал тридцать два варианта плача по заложным покойникам. Двадцать девять лет назад он бросил все. Бросил престижную московскую квартиру, кафедру, коллег, которые прочили ему академическое будущее, и маленького Илью, оставив сына на попечение престарелой бабушки. Отец уехал в Глухомань — глухую, угасающую деревеньку на границе Вологодской области и болотных массивов, — чтобы никогда больше оттуда не возвращаться. На редкие, раз в пять лет, письма сына он отвечал короткими, сухими отписками: *«Занят полевой работой. Нашел уникальный пласт. Не приезжай, здесь не место городским».* И вот теперь он просто вышел из дома и не вернулся. Илья перевел взгляд на свои руки — чистые, с аккуратно подстриженными ногтями, привыкшие к тонким пинцетам и мягким кистям для удаления пергаментной крошки. — Консервация строения, — тихо произнес он в пустую мастерскую. — Что ж. Посмотрим, какую книгу ты не дочитал, отец. --- Дорога до Глухомани заняла двое суток и больше напоминала спуск по кругам какого-то хтонического дантовского ада, где асфальт постепенно превращался в щебень, щебень — в разбитую тракторную колею, а колея — в унылое, нескончаемое ничто. Последний рейсовый ПАЗик, пахнувший соляжкой, мокрой шерстью и перегаром, высадил Илью на полустанке, который представлял собой просто покосившийся бетонный навес среди бескрайнего моря борщевиков и папоротников. Дальше автобус не шел — водитель, угрюмый мужик с испитым лицом, лишь махнул рукой в сторону синюющей на горизонте глухой стены хвойного леса: — Туда топай, парень. По старой лежнёвке. Кабы только туман не сел. Сядет туман — стой на месте, не рыпайся. Наша земля чужих не любит, а вороно-

вых — и подавно. Илья не стал спрашивать, почему водитель произнес фамилию его отца с маленькой буквы — как название птичьей стаи, а не как имя рода. Он подтянул ляжки рюкзака, в котором среди сменной одежды лежали его привычные инструменты — скальпели, хирургические зажимы, костяные гладилки для бумаги — и зашагал по гнилым, хлюпающим бревнам старой гати. Лес встретил его тишиной. Но это была не та мирная, сонная тишина подмосковных дач, к которой Илья привык. Этот лес казался огромным, затаившим дыхание животным. Ветви старых елей, обвешанные седыми прядями лишайника-бородача, свисали низко, почти касаясь лица. Под ногами хрустел влажный мох-сфагнум, и Илье то и дело чудилось, что под слоем этого мха, глубоко в сырой земле, что-то медленно и тяжело ворочается, сдвигая с места вековые камни. К вечеру, когда небо над головой налилось тяжелым, свинцовым цветом, ленька вывела его к Глухомани. Деревня умирала. Это было видно сразу. Из трех десятков изб жилими казались от силы три-четыре — над их трубами лениво вился сизый пыльный дымок. Остальные дома стояли заброшенными, их серые, некрашенные бревенчатые стены от сырости почернели, крыши провалились, а пустые оконные проемы смотрели на Илью с немым, тупым укором, напоминая глазницы черепов. Родовой дом Вороновых стоял на самом отшибе, на высоком холме, подножие которого омывала безымянная, черная речушка, лениво вытекающая из болотных топей. Это был огромный, старинный двухэтажный дом-пятистенник северного типа. Нижние венцы его, сложенные из мореной лиственницы толщиной в обхват, от времени и сырости стали матово-черными. Илье, застывшему у ветхой калитки, показалось, что эти нижние бревна странно изогнуты — словно это были не деревянные балки, а гигантские, окостеневшие ребра какого-то допотопного ящера, на котором был возведен весь этот громоздкий человеческий приют. Калитка скрипнула — протяжно, на одной высокой ноте, похожей на бабий плач. Илья прошел по заросшему крапивой двору и поднялся на крыльцо. Дверь действительно была не заперта. Она поддавалась от легкого толчка, открывая проход в темные, прохладные сени, из которых тянуло странным, двойственным запахом: сухой бумажной пылью и речным илом. --- Внутри дом профессора Воронова напоминал безумный гибрид академического кабинета и старообрядческой молельни. Все стены большой комнаты на первом этаже были заставлены стеллажами, сколоченными из необрезных досок. На них теснились тысячи книг: дореволюционные издания в яловых переплетах, академические монографии, подшивки журналов «Живая старина», коробки с архивными выписками. На полу, среди разбитых стеклянных фотопластинок и разбросанных карточек полевого дневника, стояли огромные глиняные корчаги, в каких крестьяне раньше держали зерно или квас. Электричества не было — провода, ведущие к дому, оборвались и уныло покачивались на ветру, стуча по бревенчатой стене. Илья достал из рюкзака спички, нашел на подоконнике старую, закопченную керосиновую лампу «Летучая мышь», почистил фитиль и зажег ее. Желтый, колеблющийся свет неохотно раздвинул темноту, выхватив из углов массивный дубовый стол, заваленный рукописями. Илья сел на тяжелый табурет и потянул к себе толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете. Это был полевой дневник отца. Последний. Страницы были исписаны знакомым с детства бисерным, неразборчивым почерком профессора. Но чем дальше Илья листал тетрадь, тем сильнее менялся почерк — буквы становились крупными, угловатыми, строки налезали друг на друга, словно рука старика дрожала от холода или от предельного, запредельного напряжения. Илья вчитался в записи, датированные четырнадцатым апреля — за пять дней до исчезновения профессора. > *«...Они ошибаются. Все наши кабинетные мифологи, все эти Афанасьевы, Проппы и Рыбаковы — они видели лишь фантики, красивую обертку, которой крестьяне пытались прикрыть то, что веками дышит у них под ногами. Они думали, что Навь — это просто абстрактное "царство мертвых", сказочное подземное королевство. Глупцы.*>> *Навь — это каркас. Это тектонический остов земли. То, что они называют Кошеевой костью, или Кошеевым сердцем — это не персонаж сказки. Это колоссальный, доисторический ящер, змей, чьи кости образуют складки наших холмов, чья застывшая кровь стала болотной рудой, а пульсация... пульсация

его жил диктует волю всему живому на тридцать верст вокруг.*>> *Мы, Вороновы, сидим на его темени. Наш дом построен прямо над Железным Погребом — пещерой, где сходятся ребра. Прадед Илья заключил Пакт. Он думал, что перехитрил бездну. Но бездну нельзя перехитрить — ее можно только кормить. Кровью, страхом, памятью. Ей нужна дань, чтобы засов на тридцать четвертом замке не сорвался. Ей нужна эмоциональная плоть, чтобы очеловечить свою слепую, глухую ярость...»*Илья перевернул страницу. Следующая запись была сделана шестнадцатого апреля. Всего три строки:> *«Она поет у реки. Сирий прилетела. Лицо Елены Боже мой, у нее лицо моей Лены, какой она была в тот день, когда ушла к воде. Но перья эти антрацитовые, маслянистые перья. У нее нет глаз, Илья. Там только зимнее небо. Засов ржавеет. Человеческие руки слабы, они гниют от сырости»*Илья медленно опустил тетрадь на стол. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Елена. Так звали его мать. Она утонула в этой безымянной речушке под холмом двадцать девять лет назад, когда Илье было всего три года. Отец тогда запретил сыну плакать, заперся в кабинете, а через неделю собрал вещи и уехал сюда. — Бредовый синдром, — тихо, пытаясь убедить самого себя, произнес Илья. На лбу у него выступила холодная испарина. — Классический возрастной психоз на почве изоляции и депрессии. Навязчивые идеи, бред преследования, галлюцинации*Влажный, тяжелый шлепок.*Звук раздался снизу, прямо из-под тяжелых половиц, на которых стоял стол. Это не было похоже на скрежет мыши или возню крыс. Это был звук, с каким тяжелое, промокшее в болоте пальто падает на деревянный пол.Илья замер, боясь пошевелиться. Керосиновая лампа в его руке дрогнула, пустив по бревенчатой стене длинную, уродливую тень.*Шлеп. Шлеп. Скрип.*Половицы в углу комнаты, там, где под ковром скрывался люк в подпол, медленно, со стоном прогнулись. Кто-то или что-то весомое, напитавшееся водой, поднималось снизу, приближаясь к жилой части дома.Илья медленно встал, рука его инстинктивно потянулась к рюкзаку, пальцы нащупали рукоять длинного реставрационного скальпеля из хирургической стали. Это было глупое, чисто городское оружие, но ничего другого у него не было.Туман за окном, казалось, услышал этот скрип — он прижался к стеклам окон плотной, сизой массой, начисто стерев остатки сумерек. В доме воцарилась ледяная, звенящая тишина, в которой отчетливо слышался запах полыни, болотной сырости и старой, пережженной окалины.---

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.